

¹³ Стручков Н. А. Уголовная ответственность и ее реализация в борьбе с преступностью. Саратов, 1978. С. 59–60.

¹⁴ См.: Антология мировой правовой мысли. Т. 4. С. 794.

¹⁵ См.: Малько А. В. Смертная казнь в России: проблемы правовой политики // Правовая политика и правовая жизнь. 2002. № 1. С. 155.

¹⁶ См.: Кизилов А. Ю. Указ. соч. С. 19–23.

¹⁷ Алексеев Н. Н. Русский народ и государство. М., 1998. С. 578.

¹⁸ См.: Кизилов А. Ю. Указ. соч. С. 28–36.

¹⁹ См.: Бородин С. В. Указ. соч. С. 60.

²⁰ См.: Милуков С. Ф. Указ. соч. С. 163.

²¹ Карпец И. И. Высшая мера: за и против // Советское государство и право. 1991. № 7. См. также: Володько М. В. Морально-правовые аспекты смертной казни // Южно-уральские криминалистические чтения. Уфа, 2003. Вып. 11. С. 170–177.

²² См.: Михлин А. С. Высшая мера наказания: история, современность, будущее. М., 2000. С. 151.

²³ Сергеевский Н. Д. Лишение жизни как уголовное наказание // Избр. тр. М., 2008. С. 258, 261.

²⁴ См.: Смертная казнь: за и против / Под ред. С. Г. Келиной. М., 1989. С. 359.

²⁵ См.: Малько А. В. Указ. соч. С. 148.

²⁶ См.: Михлин А. С. Смертная казнь — быть ли ей в России // Журнал российского права. 1998. № 10. С. 142.

²⁷ См.: Китаев Н. Н. Неправосудные приговоры к смертной казни: системный анализ допущенных ошибок. Иркутск, 2000. С. 3–74.

²⁸ См.: Там же. С. 10.

²⁹ Смертная казнь: за и против. С. 217.

³⁰ См.: Кизилов А. Ю. Указ. соч. С. 38–46.

Некоторые вопросы современной наказательной политики России

С. У. ДИКАЕВ — профессор кафедры уголовного права Санкт-Петербургского университета МВД России, доктор юридических наук, профессор

На протяжении многих веков ученые задаются вопросом о способности уголовного наказания, каким бы жестким и жестоким оно ни было, решить проблему преступности. В середине XX в. наконец-то человечеству стало ясно, что наказание не является панацеей от преступности, что оно больше не выступает в качестве сдерживающего преступность фактора (возможно, что оно никогда им и не было). Рост преступности во всех странах мира — показательный пример того, что социальный механизм самоорганизации общества, позволяющий держать преступность в безопасных для общественного развития масштабах, неэффективен. Даже повышение общего благосостояния, расширение свободы и демократии, гуманизация государства, ослабление контроля над гражданами не только не уменьшают рост преступности, а напротив, способствуют ее увеличению.

Значит, вполне обоснованно можно говорить о реальности кризиса уголовного наказания, и эту реальность нужно признать и искать решение этой проблемы.

Выход из кризисного состояния наказания одни авторы видят в признании кары как цели уголовного наказания, другие предлагают установить цивилизованные взаимоотношения общества с преступностью, третьи — приспособиться и сосуществовать с преступностью как с неизбежным злом.

Но приспособление к проблеме не есть ее решение. Через некоторое время общество опять столкнется с теми же, а то и еще более сложными проблемами. Поэтому предлагаемые учеными модели неспособны вывести институт уголовного наказания из кризисного состояния. Наиболее верный путь — это поиск причины, приведшей человечество к такому состоянию. Для этого необходимо вернуться к истокам человеческой истории, проследив весь путь развития, установить, на каком этапе был сделан неправильный шаг, чем он был вызван, и попытаться восстановить утраченное.

Я склонен считать, что причиной кризиса наказания являются, с одной стороны, государственная мо-

нополия на разрешение уголовно-правовых отношений, с другой — постановка перед уголовным наказанием изначально недостижимых, а значит, и ложных целей.

О необходимости пересмотра целей уголовного наказания мною было написано в журнале «Российский криминологический взгляд» (№ 2, 2007). Сейчас я хочу остановиться на проблеме государственной монополии на регулирование уголовно-правовых отношений и высказать свои соображения относительно того, как лишить государство этих монополий и нужно ли это делать.

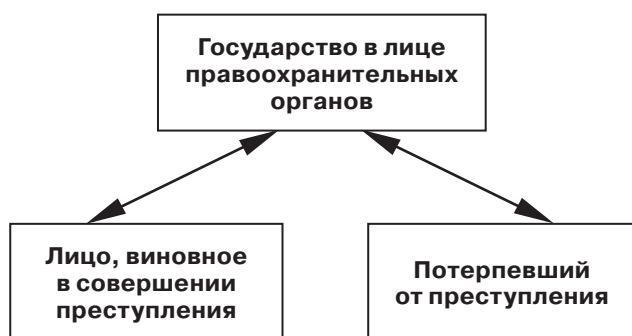
Из истории любого народа видно, что изначально вопросы преступления и наказания человечество решало, исходя из сложившихся в течение многих веков обычаев и традиций конкретного рода или племени. Обычное право предполагает народную дипломатию и реальное существование межличностных, межгрупповых социально полезных связей, основывающихся на нравственных и этических началах.

Нормы обычного права предусматривали более жестокие наказания (изгой из племени, убийство и съедение, отдача на растерзание диким зверям, позднее — откуп, взятие виновным на себя моральных и (или) материальных обязательств и т. д.), чем нормы современного публичного права. Вместе с тем они также были призваны восстановить социальную справедливость, устроить наказанием, исправить нарушителя обычая. В этом отношении современное публичное право ничего нового не придумало, поскольку уголовные законодательства многих стран мира закрепляют аналогичные цели наказания. Весь вопрос в содержании целей и в выборе средств их достижения. В тех республиках России, где сильны законы обычного права, страх перед моральным осуждением всегда являлся и до сих пор является большим сдерживающим фактором, чем страх быть осужденным по современному публичному праву, какое бы жестокое наказание оно ни предусматривало. Ведь моральное осуждение затрагивает не только интересы самого виновного, но и его родственников, которым общество вменяет в вину плохое или недостаточно хорошее воспитание, плохой надзор за нерадивым

членом своей семьи (сыном, братом, племянником). Тем самым обычное право вызывает моральные обязательства между виновным и потерпевшим, между виновным и родственниками потерпевшего (родителями, детьми), между родственниками виновного и родственниками потерпевшего. Наличие этих связей определяет, что в основе социальных отношений в группе лежат моральные начала.

В публичном праве, как и в праве обычном, виновность имеет определяющее значение для возникновения уголовно-правовых отношений. Но справедлив вопрос: виновность перед кем? Так, например, лицо, причинившее тяжкий вред здоровью потерпевшего, по обычному праву виновато именно перед потерпевшим и его близкими родственниками, а сам этот институт ориентирован на справедливое разрешение возникшего социального конфликта путем восстановления нарушенных прав потерпевшего, а если это невозможно, то путем компенсации за причиненный вред.

В публичном праве почти все случаи совершения преступления рассматриваются как конфликт лица, совершившего преступление, со всем обществом в лице государства. Схематично эти отношения выглядят так:

Как видим, государство выступает в качестве арбитра, требующего решать вопросы ответственности за преступление только через него, от его имени и перед ним. Если лицо виновато перед потерпевшим, а ответственность несет перед государством и от имени государства, то получается, что потерпевшие автоматически выбывают из уголовных правоотношений, потерпевшие не являются субъектами уголовно-правовых отношений. Это позволяет рассматривать современные уголовно-правовые отношения как форму сведения государством своих личных счетов с нарушителями его запретов, возведенных в форму закона. При этом потерпевший представляет интерес для государства постольку, поскольку необходимо соблюсти некоторые юридические формальности при назначении наказания виновному в совершении преступления. С тех пор как государство наделило себя правом назначать наказания за преступления, оно всегда делало это, преследуя собственные интересы. Государство, как и любой другой посредник в экономических отношениях, очень дорого обходится, прежде всего, потерпевшему от преступления. Он вынужден платить за преступность тройную цену: а) он терпит ущерб от преступления; б) он платит налоги за содержание государственного аппарата правопорядка; в) он вынужден претерпеть массу неприятностей, связанных с расследованием преступления и отправлением правосудия.

Логика российского (советского) законодателя, монополизировавшего право разрешения уголовно-правовых отношений, легко просчитывалась в период царизма, когда посредством каторжан освобождались необъятные просторы Родины. А в периоды индустриализации и плановой экономики сотни тысяч людей по надуманным основаниям осуждались и использовались как дешевая рабочая сила при создании государственного, то есть «ничейного», богатства, при освоении природных богатств, строительстве заводов, фабрик и т. д.

В условиях рыночной экономики наказательная политика государства имеет ту же направленность — максимальное извлечение прибыли от преступности (как и от других человеческих пороков). Только делается это сейчас не так грубо, как раньше (из-за технического прогресса теперь не требуется много рабочих рук), а весьма ухищренно — путем изменений законодательства. Это хорошо видно на примере тех новаций, которые были внесены в УК РФ Федеральным законом от 08.12.2003 г. № 162-ФЗ¹.

Для иллюстрации в качестве примера рассмотрим изменения уголовного закона, касающиеся штрафа. В частности, названный закон, вводя денежный штраф в рублевом эквиваленте, определяет его пределами от 2,5 тыс. до 1 млн руб. (за преступления небольшой или средней тяжести — от 2,5 до 500 тыс. руб.). Проанализировав некоторые данные официальной статистики о совершенных преступлениях, попытаемся вычислить «ожидаемую» прибыль от преступности.

Так, в 2005 г. в России было зарегистрировано 1 572 996 случаев краж (прирост составил 23,2%), а в 2006 г. — 1 676 983 таких преступления.

Санкция ст. 158 УК РФ (кража) составляет в части первой от 2,5 до 80 тыс. руб., в части второй — до 200 тыс. руб., в части третьей — от 100 до 500 тыс. руб., а в части четвертой — до 1 млн руб.

Нетрудно подсчитать, что при назначении судами за все случаи совершения краж только нижнего предела штрафа (2500 руб.) бюджет государства за 2005 г. предположительно мог пополниться на сумму чуть менее 4 млрд руб., а в 2006 г. — более 4 млрд руб.

А если произвести расчеты, исходя из минимальной суммы штрафа, предусмотренного санкцией ч. 3 ст. 158 УК РФ (100 тыс. руб.) (а их совершено: в 2005 г. — 676 933; в 2006 г. — 625 980), то, соответственно, доход государства составил бы в 2005 г. более чем 67,7 млрд руб., а в 2006 г. — около 63 млрд руб.

Конечно, пока еще далеко не ко всем виновным применяется наказание в виде штрафа. Специальные исследования дают ясные представления о том, что, например, в Санкт-Петербурге в 2004 г. процент применения штрафа составил 0,6%². Столь редкое обращение судей к штрафу отчасти может быть объяснено тем, что на практике они довольно часто сталкиваются с отсутствием работы и денежных накоплений у подсудимых, вследствие чего применение отмеченных видов наказания оказывается невыполнимым.

Хотя ученые, опираясь на опыт зарубежных стран, обосновывают вывод о том, что именно денежные

наказания представляются наиболее желательными альтернативами по отношению к лишению свободы³, следует отметить, что в условиях современной российской действительности данный тезис срабатывает не всегда. Так, специально проанализировав уголовные дела, по которым суд назначил наказание в виде штрафа, можно сделать вывод о том, что все виновные являлись добросовестными работниками, имеющими небольшие, но стабильные заработки, и что штрафные санкции бьют в первую очередь по добросовестным труженикам, примерным гражданам⁴.

Действительно, труженик, которому присуждена эта мера наказания, попадает в весьма трудное положение, так как оплатить штраф даже в 100 тыс. руб. при низкой заработной плате абсолютному большинству россиян не под силу. При нынешней средней зарплате по России виновный в течение года должен бесплатно работать исключительно на государство. Это было бы оправданным, если бы данная мера наказания назначалась в интересах потерпевших. Однако последние в этом процессе «сведения счетов государства и преступника» довольствуются только своим статусом уголовно-процессуального положения потерпевшего. Если хватает сил и средств, добиваются компенсации (как правило, частичной) причиненного вреда в соответствии с гражданским законодательством либо ждут возмещения ущерба по исполнительным листам. Между тем ст. 52 Конституции России гласит: «Права потерпевших от преступлений и злоупотреблений властью охраняются законом. Государство обеспечивает потерпевшим доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба». Получается, что и Конституция России, являясь актом прямого действия, содержит неработающую и фактически постоянно нарушаемую государством норму.

Но как ревностно государство охраняет собственность самих «воришек».

Законом от 08.12.2003 г. из УК РФ без какого-либо научного обоснования была исключена существовавшая в качестве дополнительной меры наказания конфискация имущества. Хотя есть серьезные основания подозревать законодателей в том, что сделано это было небескорыстно, но наказательная политика России в результате стала выглядеть как политика гуманизации уголовного законодательства. На самом деле гуманизация касается лишь лиц, которые на волне демократии сколотили себе огромные состояния, приобретение которых не могло не быть преступным, и единственным способом возвращения похищенных ценностей государству при данных обстоятельствах являлась конфискация имущества лиц, осуждаемых за корыстные преступления, в чем было и по сей день остается заинтересованным большинство населения страны.

Результаты опроса населения показывают, что 97 % опрошенных считают, что конфискация имущества как мера наказания должна присутствовать в УК. При этом характерно, что все они считают себя малообеспеченными. Те 3 % из числа опрошенных, которые полагают исключение из УК конфискации имущества правильным решением, считали себя обеспеченными людьми. Полагаю, что решение об исключении из УК конфискации является политическим решением, призванным стабилизировать политическую и экономическую ситуацию в стране. Вмес-

те с тем отсутствие в УК конфискации имущества как меры наказания гарантирует нуворишам спокойное существование без боязни ответственности и лишения нажитого преступным путем имущества, даже если конфискация будет возвращена в УК в прежнем виде. Ведь, как известно, закон, ухудшающий положение осужденного, обратной силы не имеет.

Если уплата штрафа в один миллион рублей (примерно 40 тыс. долларов США) для нуворишей не такая уж страшная мера наказания, то для абсолютного большинства российских граждан размеры этих штрафов являются воистину «драконовскими». Такое законодательное установление можно рассматривать как государственную гарантию социального статуса нищих и состоятельных, при котором состоятельные люди не потеряют своего состояния, а немощные могут лишиться и того, что у них есть. Ведь им нужно будет как-то выплачивать штраф, нередко это будет сопровождаться продажей нажитого имущества.

Европейские государства в современный период стремятся строить свое уголовное законодательство, исходя из идеи правового государства, общечеловеческих ценностей, гуманизма, приоритета норм международного права. Уголовные законы западноевропейских стран предусматривают различные виды наказаний, не связанных с изоляцией преступника от общества. В странах Западной Европы доминирует мнение о том, что такая карательная мера, как лишение свободы, малоэффективна, негуманна и не способна стать действенной защитой для общества и государства от преступных посягательств. В большинстве развитых в промышленном отношении государств Западной Европы самыми распространенными уголовными наказаниями являются штраф и конфискация имущества. По мнению многих юристов, применение этих мер в качестве уголовного наказания выгодно государству. Во-первых, эти виды наказаний, в отличие от тюремного заключения, не оказывают чрезмерно негативного влияния на преступника, во-вторых, их исполнение не требует отвлечения больших финансовых средств из государственной казны, и, в-третьих, эти виды наказаний сами являются хорошим источником пополнения государственного бюджета.

Следует отметить, что отказ от конфискации как меры уголовного наказания является современной мировой тенденцией. Так, согласно ст. 17 Конституции Аргентины конфискация «навсегда исключается из Уголовного кодекса Аргентины». Однако Бразилия, отказавшись от конфискации в 1824 г., вернула ее в УК в 1988 г. Например, в Индонезии запрещена полная конфискация. В Колумбии, согласно Конституции (ст. 34), запрещаются конфискация (исключая имущество, приобретенное в ущерб общественному имуществу или с «грубым нарушением социальной морали»). Мексиканская Конституция (ст. 22) запрещает применение не только конфискации, но и чрезмерных штрафов⁵.

В Германии в 2002 г. решением Конституционного Суда признан ничтожным § 43а (имущественный штраф). В этом направлении развивается законодательство некоторых республик бывшего СССР (Таджикистан, Кыргызстан, Казахстан), а в Грузии и Азербайджане эта мера наказания исключена из УК уже несколько лет назад.

Эту тенденцию для постсоветского пространства можно рассматривать как государственную политику легализации преступно нажитого в ходе реформ капитала.

Если для европейских стран отказ от института конфискации можно считать вполне приемлемым по причине того, что первоначальное накопление капитала производилось столетия назад, то для государств постсоветского пространства отказ от конфискации является по меньшей мере преждевременным. Процесс передела собственности в республиках бывшего СССР еще далек от завершения, и в законодательстве имеется множество лазеек для преступного обогащения. Кроме того, у народов бывшего СССР еще свежа память о неисчислимых бедствиях и лишениях, которые пришлось им претерпеть в то время, когда происходил преступный передел государственной собственности. Многие из тех, кто преступно нажил капитал на волне ликвидации СССР, демократизации и передела общенациональной собственности, не только еще живы, но и, легализовав нажитые капиталы, продолжают его приумножение, эксплуатируя природные богатства и мало беспокоясь о благополучии нации.

Можно предположить, что конфискация как мера уголовного наказания в России восстановлена в УК не будет. Хотя полагаем, что для российского уголовного законодательства конфискация имущества является традиционной и проверенной временем дополнительной мерой наказания, и ее отмена преждевременна и криминологически не обоснована. Думаем, что она должна быть восстановлена в УК РФ в прежнем статусе хотя бы до завершения экономических и политических реформ России.

Следующий вопрос — что нужно сделать, чтобы лишить государство монополии назначать уголовные наказания?

Выход из кризиса наказания видится в изменении сложившейся порочной практики тотального вмешательства государства во все случаи возникновения уголовно-правовых отношений. Для чего предлагаем ввести трехуровневую систему регулирования этих правоотношений.

Первый уровень предполагает выделение в уголовном законе группы преступлений, при совершении которых преступник и жертва сами регулируют конфликт. Здесь потребуются расширить возможности института примирения с потерпевшим, для чего необходимо:

— во-первых, распространить его действие не только на преступления небольшой и средней тяжести, но и на тяжкие и особо тяжкие преступления;

— а во-вторых, в ст. 76 УК РФ (освобождение от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим) слова «лицо... может быть освобождено от уголовной ответственности» заменить на «лицо... освобождается от уголовной ответственности». Соответствующие изменения необходимо будет внести и в ст. 25 и ч. 1 ст. 28 УПК РФ.

Полагаем, что для применения ст. 76 УК РФ необходимо полное заглаживание вреда виновным до освобождения от уголовной ответственности, что

должно быть главным условием признания примирения добровольным со стороны потерпевшего. В случаях же частичного заглаживания вреда или в случае признания виновным на себя обязательств в будущем заботиться о потерпевшем или его детях необходимо применять иные способы поощрения виновного лица, примирившегося с потерпевшим: смягчение наказания (ст. 61 УК РФ), назначение более мягкого наказания, чем предусмотрено в санкции на основании ст. 64 УК РФ, или условное осуждение (ст. 73 УК РФ).

В тех случаях, когда лицо не может быть освобождено от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим, при наличии этого обстоятельства оно должно учитываться как смягчающее его вину. Для чего предлагаем следующую редакцию пункта «к» ст. 61 УК РФ: «оказание медицинской и иной помощи потерпевшему непосредственно после совершения преступления, добровольное возмещение имущественного ущерба и морального вреда, причиненных в результате преступления, иные действия, направленные на заглаживание вреда, примирение с потерпевшим».

Сказанное вовсе не означает, что государство на этом уровне самоотстраняется и участники правоотношений (преступник и жертва) предоставлены сами себе. Государство остается арбитром в разрешении этого дела и вмешивается в конфликт в следующих случаях:

а) когда участники не могут прийти к согласию относительно способа и условий разрешения конфликта и примирению. Например, совершена квартирная кража, жертва выдвигает изначально несправедливые, завышенные или невыполнимые требования (возместить моральный вред, приобрести новые предметы взамен похищенных и какое-то время использовать предметы, произвести ремонт квартиры и т. д.);

б) когда контрольный или наблюдательный орган (условное название органа) приходит к обоснованному выводу о том, что действия одной из сторон по примирению не были добровольными. Например, имели место угрозы, шантаж или применение насилия к одной из сторон с целью обеспечения сговорчивости;

в) когда необходимо создать и обеспечить условия примирения (принуждение к исполнению сторонами условий примирения). Например, стороны достигают согласия, но впоследствии одна из сторон предпринимает шаги по изменению условий примирения или виновная сторона отказывается выполнять условия соглашения;

г) когда виновное лицо не установлено. В этом случае государственные органы проводят процессуальные действия, в том числе и по установлению или розыску виновного, а разрешение дела откладывается до момента установления виновного. С установлением виновного возобновляется разрешение дела в порядке, предусмотренном первым уровнем.

Этот уровень регулирования уголовно-правовых отношений позволяет сохранить социальные связи между участниками правоотношений, максимально учитывать превентивные возможности обычных права конкретной социальной группы. Учет в регули-

ровании уголовно-правовых отношений превентивно значимых особенностей социальных групп особенно важен в многонациональных государствах, так как это способствует сохранению национальной, культурной и иной самобытности группы, управлению ею путем использования понятных этой группе методов воздействия, что обеспечивает в конечном счете динамичное развитие государства. Кроме того, такой подход позволит существенным образом изменить наши представления о преступлениях, преступниках и способах регулирования уголовно-правовых отношений. Однако в рамках действующего института примирения не определены ни процедуры осуществления примирения, ни форма контроля за договоренностями между сторонами, ни социально-реабилитационная инфраструктура реализации подобных решений (ст. 25 УПК РФ).

На втором уровне отношения регулируются посредством государства, при этом часть из них регулируется государством с учетом интересов сторон, то есть пожеланий жертвы и ее родственников, преступника и его родственников. В регулировании другой части преступлений (например, преступления без потерпевших) приоритетное значение имеют установления закона и судебское усмотрение.

На третьем уровне интересы сторон конфликта имеют второстепенное значение по отношению к государственным или общественным интересам (государственные, воинские, налоговые преступления, преступления против общественной безопасности, общественной нравственности и т. д., то есть те преступления, жертвой которых по существу является само государство или общество). На этом уровне государство, применяя вид и размер наказания к виновному, может исходить из своих интересов, в том числе и интересов пополнения государственного бюджета путем применения штрафных санкций. А на первых двух уровнях во главу угла при назначении наказания должны быть поставлены интересы пострадавшей стороны. Если виновный подвергается наказанию в виде, например, штрафа, то вся сумма штрафа или какая-то его часть должна быть взыскана в пользу пострадавшего⁶. Это придаст подлинный смысл такой цели наказания, как «восстановление социальной справедливости», установленной ч. 2 ст. 43 УК РФ.

Осуждение к лишению свободы, тем более на длительные сроки, должно быть последним средством решения проблемы, применяемым в исключительных случаях — в случаях регулирования отношений третьего уровня. Тогда использование труда осужденных в интересах государства, «драконовские» штрафы и конфискация имущества обретают логический смысл. Для обеспечения государственных интересов по преступлениям, посягающим на основы государственности, таким как преступления террористического характера, экстремизм, разжигание национальной розни, измена, шпионаж, фальшивомонетничество, наркоторговля, «отмывание» денег и др., нужно ввести в УК РФ и шире практиковать изъятие нажитого (пусть даже честно) имущества и доходов, полученных от преступной деятельности. Для этого необходимо вернуть в УК России конфискацию имущества.

За последние пятнадцать лет наибольшее число осужденных отбывали наказание за кражи, грабежи и разбои.

Так, в 2003 г. в России таких преступлений было зарегистрировано 50,8 % от общей массы зарегистрированных преступлений, в 2004 г. — 54,2 %, в 2005 г. — 55,7 %, а в 2006 г. — 54,3 %.

	2004 г.	2005 г.	2006 г.
Количество лиц, совершивших корыстные преступления (%)	54,2	55,7	54,3
Количество лиц, совершивших преступление и не имевших постоянного источника дохода (%)	58,8	60,3	59,6

Таким же стабильным начиная с 1996 г. остается и процент лиц, совершивших преступления при отсутствии постоянного источника дохода (в 1996 г. — 50 %, 1997 г. — 54,2 %, 2003 г. — 55,7 %, 2004 г. — 58,8 %, 2005 г. — 60,3 %, а в 2006 г. — 59,6 %).

Это подтверждает вывод, сделанный норвежским ученым Н. Кристи, который заключается в том, что, если большинство осужденных принадлежат к одной социальной категории, можно с уверенностью сказать, что в системе есть серьезный изъян.

Приведенная статистика преступности вопреки заверениям политиков о повышении уровня жизни показывает удивительную стабильность как количества преступлений против собственности, так и удельного веса лиц, совершивших преступления, не имеющих постоянного источника дохода. Пока такая тенденция будет сохраняться, любые рассуждения о противодействии преступности малопродуктивны.

Позитивных сдвигов в противодействии преступности (по крайней мере, в снижении корыстной преступности, которая составляет более 50 % всех совершаемых в России преступлений) можно добиться путем справедливого решения вопроса «внутреннего распределения» материальных ресурсов.

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ См.: Федеральный закон РФ от 08.12.2003 г. № 162-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2003. № 50. Ст. 4848.

² См.: Силкин В. П. Уголовно-правовые санкции за преступления против собственности: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2004. С. 21.

³ См.: Шестаков Д. А. Наказание по Уголовному кодексу России: Признаки кризиса // Криминология: вчера, сегодня, завтра: Тр. Санкт-Петербургского криминологического клуба. 2003. № 1(6).

⁴ См.: Дикаев С. У. Сравнительный анализ европейского законодательства об изъятии прибылей, полученных от незаконной торговли наркотиками // Контроль за оборотом наркотиков и предупреждение преступности в России: Материалы всероссийской науч.-практ. конф.: В 5 ч. СПб., 2005. Ч. 1.

⁵ См.: Правовые системы стран мира: Энциклопедический справочник. 3-е изд., перераб. и доп. / Отв. ред. д-р юрид. наук, проф. А. Я. Сухарев. М., 2003.

⁶ Следует отметить, что в соответствии с ч. 4 ст. 41 Налогового кодекса Российской Федерации средства, полученные в результате применения мер гражданско-правовой, административной и уголовной ответственности, в том числе штрафы, конфискации, компенсации, а также средства, полученные в возмещение вреда, причиненного Российской Федерации, субъектам Российской Федерации, муниципальным образованиям, и иные суммы принудительного изъятия являются неналоговыми доходами бюджетов. Вместе с тем согласно ст. 32 Бюджетного кодекса Российской Федерации все государственные и муниципальные расходы подлежат финансированию за счет бюджетных средств, средств государственных внебюджетных фондов, аккумулируемых в бюджетной системе Российской Федерации.